



**Ф**  
Философская  
сказка

*Перевод*  
**И. Е. ГРУШЕЦКОЙ**



## КОРОЛЕВА ПРИЧУДНИЦА

(Сказка)

ил некогда король, который любил свой народ...

— Уж не сказка ли это? — перебил Яламира друид.

— Разумеется, сказка, — ответил Яламир. — Итак, жил некогда король, который любил свой народ, а благодарный народ боготворил своего монарха. Немало сил потратил король, чтобы подобрать министров, таких же доброжелательных, как он сам, но, убедившись, что из этого ничего не выйдет, сам принялся решать все дела, какие удавалось уберечь от служебного рвения сановников. Увлеченный странной идеей осчастливить

своих подданных, он делал для этого все, и столь неподобающим поведением совершенно уронил себя в глазах важных особ. Народ благословлял короля, а придворные считали его чудаком. Между тем у короля было немало достоинств: недаром его звали Феникс.

Да, это был замечательный король, но не такова была его супруга: горячая, легкомысленная, своевольная; взбалмошная, но с отзывчивым сердцем; вспыльчивая, но от природы добрая — вот в немногих словах портрет королевы. Звали ее Причудница; такое необычное имя она унаследовала от бабушек и прабабушек и носила его с честью. Эта столь достойная особа была и отрадой и мученьем своего высокого супруга, к которому она питала искреннюю привязанность, быть может за то, что могла помыкать им, как ей заблагорассудится. Но, несмотря на любовь и согласие, долгие годы не было у них детей, как они того ни желали. Король был этим удручен, королева же рвала и метала, причем доставалось не одному только добрейшему монарху: весь свет винила она в своем бесплодии; не было придворного, которого бы она не расспрашивала о верных средствах против своего недуга и не упрекала бы потом за неудачу.

Разумеется, королева не оставила в покое и врачей; она, казалось, слушалась их беспрекословно, но прописанные и тщательно приготовленные лекарства тут же швыряла им в лицо. Потом наступила очередь дервишей; королева прибегала и к молитвам, и к обетам, и в особенности к пожертвованиям.

Горе служителям храмов, куда ее величество совершала паломничество! Ища исцеления в святых местах, она переворачивала все вверх дном, опустошая монастырские ризницы. Королева носила амулеты и надевала на себя всевозможные монашеские уборы: белый шнур, кожаный пояс, клубок, на-раменник. Не было такого одеяния, которого она не удостоила бы своим благочестивым рвением. Ее оживленное личико было прелестно в любом из этих нарядов, и прежде чем сменить его, она заказывала свой портрет.

Наконец богоугодные занятия и лекарства сделали свое дело: небо и земля вняли мольбам королевы. Когда все уже готовы были отчаяться — она почувствовала себя беременной. Судите сами, как рады были король и весь народ; а уж о королеве и говорить нечего: в порывах радости, как и во всех своих чувствах, она не знала меры и, ликуя, ломала и разбивала все, что попадалось под руку; обнимала и целовала всех подряд: мужчин, женщин, придворных, слуг. Она готова была задушить в своих объятиях любого встречного. Нет большего счастья, твердила она, чем иметь ребенка, которого можно наказывать розгой в минуту дурного настроения.

Всем было лестно считать себя причастным к такому долгожданному торжеству, как беременность королевы; врачи его приписывали снадобьям, монахи — амулетам, народ — вознесенным молитвам, а король — своей любви; каждый живо интересовался еще не родившимся ребенком, словно родным детищем. Повсюду служили молебны о благополучном рождении наследного принца, — всем хотелось именно принца, — желания народа, вельмож и самого короля в этом совпадали.

Одной королеве не нравилось, что ей словно навязывают, кого произвести на свет; она намерена родить дочь, заявила она, и весьма удивлена, как это люди смеют оспаривать ее несомненное право распоряжаться тем, что принадлежит ей одной.

Тщетно пробовал Феникс образумить супругу; она решительно попросила его не вмешиваться в чужие дела, заперлась в своей опочивальне и надулась; это было любимое времяпровождение королевы, коему она предавалась не меньше шести месяцев в году; я разумею не шесть месяцев подряд, что было бы для короля отдыхом, а в разбивку, чтоб вернее ему досадить.

Король, конечно, понимал, что капризы матери не влияют на пол младенца, но ему больно было видеть, как она перед всем двором выставляет напоказ свои смешные стороны. Он готов был все отдать, чтобы добиться уважения окружающих к своей жене. Но его безуспешное старание было одной из тех глупостей, какие он обычно совершал в надежде образумить супругу.

В отчаянии он обратился за помощью к фее Благоразумнице, своему другу и покровительнице королевства. Волшебница посоветовала избрать путь кротости и просить у королевы прощения. «Все женские капризы, — объясняла она, — преследуют одну цель: держать мужей в послушании и побить с них спесь. Лучшее средство излечить вашу супругу от сумасбродства — это сумасбродствовать вместе с ней; потакайте ее капризам — и всю ее блажь как рукой снимет; она образумится лишь тогда, когда вас самого превратит в безумца; добивайтесь своего лаской и уступайте ей в мелочах, чтобы настоять на своем в самом важном...» Король, вняв советам феи, отправился к королеве, отвел ее в сторону от свиты и тихо высказал свое глубокое огорчение тем, что осмеливался вступать с ней в пререкания; затем он обещал, что впредь будет осмотрительней и постарается заслужить прощение за резкости, которые, возможно, позволил себе, невежливо споря с супругой.

Причудница, опасаясь, что кротость Феникса только оттенит нелепость ее поведения, поспешила ответить, что в этих

извинениях, полных скрытой иронии, она видит еще больше высокомерия, чем в недавних резкостях; но что, разумеется, ошибки мужа не могут служить оправданием ошибкам жены, и она, как всегда, готова уступить.

— Мой супруг и повелитель, — заявила она во всеуслышание, — приказывает мне родить мальчика, — я знаю свой долг и не позволю себе ослушаться! Я понимаю, что его величеством, когда он удостоивает меня лаской, движет любовь не столько ко мне, сколько к народу, о чьем благе он печется ночью ничуть не меньше, чем днем. Мой долг подражать столь благородной самоотверженности. Я намерена просить Диван об издании указа, устанавливающего количество и пол детей, подобающих королевскому семейству, — назидательного указа, важного для процветания государства; и каждая королева должна будет сообразоваться с ним в своем поведении ночью.

Эта прекрасная речь была выслушана всей свитой с большим вниманием, но вы, конечно, догадываетесь, что при этом раздалось немало приглушенных смешков.

— Увы! — с грустью молвил король и, пожимая плечами, вышел из зала, — как видно, мужу сумасбродки суждено быть всеобщим посмешищем!

Фея Благоразумница, в характере которой забавно уживались благоразумие и женское лукавство, нашла эту маленькую распрю весьма потешной и решила довести шутку до конца. Сказав королю, что расположение светил, управляющих рождением принцев, предвещает мальчика, она тайком шепнула королеве, что та родит девочку.

Это обещание превратило безрассудную Причудницу в самую что ни на есть рассудительную женщину. Бесконечно ласковая и обходительная, она прилагала все усилия к тому, чтобы довести до отчаяния и короля, и весь двор. Она заказала нарядное детское приданое, притворяясь, будто готовит его для мальчика, но такая роскошь была бы смешной и для девочки: приходилось по несколько раз перешивать все заново, но она не жалела хлопот; она велела ювелирам украсить драгоценными камнями великолепную орденскую повязку и потребовала, чтобы король немедленно подыскал воспитателя и наставника для юного принца.

Уверенная в том, что родится дочь, она говорила только о сыне и в приготовлениях не упустила ни одной мелочи, отвлекая внимание от самого важного. Она хохотала от души, представляя себе, какой глупый и растерянный вид будет у вельмож и советников, которым полагалось присутствовать у ее ложа во время родов.

— Я так и вижу, — говорила она волшебнице, — слева от меня наш достопочтенный канцлер сквозь большие очки рас-

смаатривает, кто родился, — мальчик или девочка, а справа от меня его августейшее величество бормочет, потупив взор: «Я надеялся... фея обещала мне... господа, я тут ни при чем...» — и тому подобные остроумные фразы, которые будут подхвачены придворными историографами и разнесены до самых далеких границ Индии...

С веселым лукавством рисовала она в своем воображении удивление и замешательство среди придворных при таком неожиданном исходе дела, волнение среди дам ее свиты, оспаривающих друг у друга права, когда наступит время распределить почетные обязанности — словом, весь двор в смятении из-за детского чепчика.

По требованию королевы был установлен достохвальный обычай, согласно которому сановникам надлежало приветствовать новорожденного принца торжественной речью. Феникс хотел было возразить, что эта затея только уронит достоинство высших чиновников и выставит в смешном свете весь придворный этикет, что не пристало расточать высокопарные речи перед младенцем, не способным даже понять их, не то что ответить.

— Ну что ж! Тем лучше! — с живостью возразила королева. — Тем лучше для вашего сына! Он только выиграет, если со всеми глупостями, какие ему еще предстоит выслушать, будет покончено раньше, чем он сможет их уразуметь! Уж не считаете ли вы, что речи, от которых можно только потерять рассудок, лучше выслушивать в разумном возрасте? Умоляю вас, пусть ораторы разглагольствуют, сколько им угодно, пока ребенок ничего еще не понимает и еще не способен скучать; кому-кому, а уж вам хорошо известно, что редко удастся так дешево отделаться...

Пришлось королю согласиться, и вот по особому указу его величества сенаторы и академики принялись сочинять, перечеркивать, заучивать наизусть речь, листая своих Воморьеров и Демосфенов и принаравливаясь к разумению младенца.

Между тем наступили решающие минуты. Королевой, при первых же родовых схватках, овладело бурное и в подобных случаях довольно необычное ликование; она жаловалась так мило и плакала так весело смеясь, словно рожать для нее было сущее удовольствие.

Тотчас во всем дворце поднялась невообразимая суматоха: одни побежали за королем, другие — за принцами, третьи — за министрами, некоторые поспешили в сенат; но большинство придворных — и эти особенно спешили — суетились ради самой суеты, подымая шум, подобно Диогену, гремящему пустой бочкой, а всего-то и было у них заботы, что напустить на себя озабоченный вид. Сзывая во дворец такое множество самых необ-



ходимых лиц, в спешке совсем забыли об одном человеке — о придворном акушере. И когда король, от волнения потеряв голову, пригласил к роженице простую повивальную бабку, — его оплошность вызвала громкий смех придворных дам, и благодаря их веселью и хорошему расположению духа самой королевы это были самые веселые роды на свете.

Как ни старалась Причудница сохранить в тайне предсказание феп, но ее придворные дамы все-таки о нем проведали и тоже так ревностно оберегали тайну, что понадобилось не менее трех дней, прежде чем слух о ней распространился по всему городу; один лишь король все еще ничего не знал. Каждого поэтому крайне занимала готовящееся представление. Под предлогом заботы о благе государства всем насмешникам представлялся повод позабавиться над августейшим семейством; любопытные предвкушали удовольствие наблюдать, как будет вести себя королевская чета и как напроказившая волшебница выщутается из затруднительного положения.

— Так-то, сударь, — внезапно прервал свое повествование Яламир, — согласитесь, что я, если захочу, могу помучить вас по всем правилам искусства; вы отлично понимаете, что теперь самое время прибегнуть к отступлениям, портретам, ко всяческому любопытным подробностям, которые применяет изобретательный автор в самом интересном месте, дабы занять своих читателей.

— Вот еще! — воскликнул друид. — Да неужели ты воображаешь, что найдется глупец, который станет читать все эти штуки? У читателей, будь уверен, ума хватает кое-что пропустить и — как это ни прискорбно для автора — перевернуть несколько страниц, где тот щеголяет красноречием. А ты, видно, считаешь себя умнее других и надеешься, что тебя никто не упрекнет в глупости, если сам заявишь, что по доброй воле не прибеж к этим приемам. Однако твои разглагольствования доказывают обратное, а я — увы! — лишен возможности перевернуть страницы.

— Успокойтесь, — кротко ответил Яламир, — другие перевернут их за вас, если все это когда-нибудь будет напечатано. Примите, однако, во внимание, что в покоях королевы уже собрался весь двор, и мне вряд ли когда-нибудь представится другой, столь благоприятный случай нарисовать портреты множества именитых особ, а вам познакомиться с ними.

— Не стоит труда! — с усмешкой молвил друид. — Я о них достаточно узнаю по их поступкам! Если они нужны тебе для рассказа, пусть что-нибудь делают, а нет, так оставь их в покое. Меня занимают поступки, а не портреты.

— Что ж, раз уж нельзя расцветить повествование рассуждениями, придется попросту раскручивать его нить... но



ведь бесхитростный рассказ — прескучное дело... Вы и не подозреваете, как много любопытного удалось бы вам узнать... но я отвлекся в сторону, на чем бишь мы остановились?

— На родах королевы! — нетерпеливо подсказал друид. — Они тебе даются так трудно, что ты уже битый час держишь меня в напряженном ожидании.

— Ого! — воскликнул Яламир. — Вы, кажется, воображаете, что королевские дети появляются на свет так же просто, как яйца дроздов. Сейчас сами убедитесь, стоило ли нам пускаться в отступления... Итак, королева, вволю поохав и посмеявшись, избавила окружающих от мук любопытства и вывела фею из затруднения, родив в один день и девочку и мальчика, прекрасных, как луна и солнце, и как две капли воды похожих друг на друга, так что в детстве, забавы ради, их даже одевали одинаково.

В этот столь желанный миг король, забыв о своем сане и отдавшись порыву естественных чувств, позволил себе сумасбродную выходку, от которой в другую минуту первый стал бы удерживать королеву. Радуюсь, что стал отцом, он с резвостью ребенка выбежал на балкон и крикнул что было сил:

— Радуйтесь, друзья мои! У меня родился сын, у вас — отец, а у моей жены — дочь!

Королева, виновница всего этого торжества, сперва и не заметила, какими счастливыми оказались ее роды, а волшебница, зная ее капризный нрав, из осторожности сначала ей сообщила лишь о рождении дочери, которую она ждала. И вот когда принесли младенца, королева поцеловала его, хотя и нежно, но, к удивлению окружающих, со слезами на глазах; ее веселость вдруг сменилась грустью; как я уже упоминал, королева искренне любила своего супруга. Во время родов она заметила его тревогу и сочувствие и была тронута; она стала размышлять — поистине в самое подходящее время — о том, как жестоко с ее стороны огорчать такого доброго мужа; при виде дочери ей стало жаль обманутого в своих ожиданиях короля.

Чисто женское чутье и волшебный дар помогали фее Благоразумнице читать в человеческих сердцах, и она легко поняла, что творилось с королевой; видя, что дальше скрывать правду незачем, она распорядилась принести принца. Хитрая выдумка волшебницы показалась королеве до того забавной, что она, едва придя в себя от изумления, залилась безудержным смехом, а это было весьма опасно в ее состоянии. Ей сделалось дурно. Ее с трудом привели в чувство, и не поручись волшебница за жизнь ее величества, горе и печаль тут же сменили бы радость в сердце короля и на лицах придворных.

Но самое любопытное случилось дальше: королева, жалея мужа за перенесенные волнения, прониклась более нежным

чувством к принцу, чем к его сестре, а король, обожая супругу, уже отдавал предпочтение дочери, — ведь королева ждала именно ее; так эти единственные в своем роде супруги выказывали нежность и приязнь друг к другу. Вскоре их чувства перешли в явные пристрастия: королева занималась только сыном, а король — дочерью.

Страх всего народа остаться без повелителя теперь рассеялся, и люди немало смеялись над этим вдвойне неожиданным поворотом событий. Остряки, шутившие над обещаниями волшебницы, попали впросак, но не сдавались, утверждая, что они не согласны, будто фее удалось с честью выйти из трудного положения и что ее пророчество всего лишь предвосхитило ход вещей. Некоторые дошли в своей беззастенчивости до того, что, ссылаясь на пристрастное отношение родителей к детям, утверждали, будто предсказание вовсе не сбылось, ибо роды подарили королеве сына, а королю — дочь.

Приготовления к торжественному обряду крестин были в полном разгаре, и человеческая спесь готовилась скромно покрасоваться перед алтарем богов...

— Что такое? — прервал Яламира друид. — Ты совсем сбил меня с толку. Объясни мне, пожалуйста, где мы, собственно, находимся? Вначале ты водил королеву, жаждавшую стать матерью, среди амулетов и клубуков; затем внезапно перенес нас в Индию; сейчас заговорил о крестинах, и вдруг алтарь богов! Ума не приложу, кому мы будем поклоняться во время обряда, который ты подготавливаешь: Юпитеру, Пресвятой деве или Магомету? Не скажу, чтобы меня, друида, сильно волновало, будут ли твои близнецы подвергнуты крещению, или обрезанию; но не забудь соблюсти верность обычаев, не то я, чего доброго, приму епископа за муфтия, или библию за коран...

— Велика важность! Люди и помудрее тебя ошибаются! Бог покровительствует прелатам, которые обзавелись целыми сералями, а латынь молитвенника для них что арабские письмена! Бог прощает почтенных ханжей, готовых по примеру пророка из Мекки в любое время учинить священную резню к вящей славе божией! Но не забывай, что мы находимся в сказочной стране, где никого не посылают в ад ради спасения его души, где вечные муки или отпущение грехов не зависят от того, совершен ли над человеком обряд обрезания, или нет, в стране, где митры и зеленые тюрбаны равно венчают головы священнослужителей, означая для людей мудрых их сан, тогда как в глазах глупцов эти уборы всего-навсего простое украшение.

Мне хорошо известно, что, согласно закону, определяющему вероисповедание страны ее географическим положением, моим поворожденным надлежит стать мусульманами; но обряд

обрезания совершается только над мальчиками, мне же нужно приобщить таинству обоих детей; так что извольте примириться с крещением.

— Поступай как хочешь, — ответил друид, — но честное слово жреца — хорош довод!

Королева, всегда готовая нарушить придворный этикет, на шестой день уже пожелала подняться с постели, а на седьмой — вышла на прогулку, уверяя, что уже оправилась; к тому же она сама кормила детей грудью; отвратительный пример, — и придворные дамы красноречиво расписывали все его неприятные последствия. Но Причудница, которая боялась, что у нее может пропасть грудное молоко, отвечала дамам, что со временем все земные радости для нас исчезнут, и грудь не кормившей женщины после смерти теряет форму так же, как и грудь кормилицы; при этом королева добавила наставительным тоном, что в глазах супруга нет груди прекраснее, чем грудь матери, кормящей своих детей. Эта ссылка на вкусы мужей в таких сугубо дамских делах всем показалась смешной; мстя королеве за хорошенькое личико, дамы стали находить, что, хоть она и капризничает, как истинная королева, но, в сущности, так же нелепа, как ее супруг, прозванный в насмешку «буржуа из Вожирара \*).

— Вижу, куда ты клонишь, — вставил друид, — ты хочешь навязать мне роль шаха Багана и подбиваешь спросить — нет ли в Индии своего «Вожирара», столь же обязательного, как «Мадрид» в Булонском лесу \*, Опера в Париже или философ при дворе; продолжай-ка лучше свою побасенку и не расставляй мне ловушек; я не женат и не султан и могу позволить себе роскошь не быть глупцом.

— Но вот, — продолжал Яламир, пропустив замечание мимо ушей, — приготовления закончились; наступил день, когда новорожденным предстояло приобщиться благодати.

Волшебница с раннего утра явилась во дворец и сказала августейшим супругам, что хочет поднести каждому из детей дар, достойный их высокого происхождения и ее могущества.

— Пока святая вода не оградила еще новорожденных от моих благотворных чар, я хочу украсить их своими дарами и дать им имена более действенные, чем в святцах, — имена, нераздельные с достоинствами, какими я их обоих наделю. Вам, конечно, лучше знать, каковы те достоинства, что вернее всего обеспечат счастье вашей семьи и народа, и право выбрать эти имена я предоставляю вам самим. Тем самым вы сразу достигнете того, что лишь изредка удается добиться двадцатилетним воспитанием, начатым с юного возраста, и чего уж никак не достигнешь в зрелые годы.

Тотчас же между супругами начались пререкания: королева хотела наделить детей характерами по своему вкусу; однако добрый король, сознавая всю важность выбора, не желал предоставить его капризу женщины, чьи причуды он обожал, отнюдь не желая потакать им. Феникс хотел, чтобы его дети были рассудительными, а королева — чтобы они были красивыми: лишь бы дети блистали в шестилетнем возрасте, а в тридцатилетнем — пускай будут хоть глупцами. Как ни старалась волшебница примирить их величества, обсуждение перешло в ссору; не приходилось уже и думать о разумном выборе, а только о том, чтобы образумить супругов.

Наконец волшебница придумала, как уладить дело, никого не обижая: пусть король распорядится по своему усмотрению мальчиком, а королева — девочкой. Король согласился, ибо, таким образом, наследника престола спасали от нелепого каприза матери, а это и было самым важным; увидев детей на руках воспитательницы, король поспешно схватил принца, кинув при этом на его сестру взгляд, полный сострадания. Но Причудница, больше всего дававшая волю своим капризам именно тогда, когда это было совсем некстати, бросилась, как безумная, к принцессе и тоже взяла ее на руки.

— Все вы заодно, чтобы досадить мне, — заявила она, — но я сделаю так, что прихоть короля против воли его самого пойдет на пользу одному из детей, — и вот вам мое пожелание: пусть девочка станет полной противоположностью принцу, каким бы характером его ни наградил король. Выбирайте же, — обратилась она к королю с победоносным видом, — вам угодно распорядиться, так вот определите сразу судьбу обоих детей! — Тщетно король, поставленный в затруднительное положение, и волшебница умоляли ее передумать — королева и слышать ничего не хотела.

Благодаря ее счастливой выдумке, твердила она, принцесса будет украшена теми достоинствами, какими король не сумеет, конечно, наградить принца.

— Вот как, — воскликнул с досадой король. — Вы всегда питали отвращение к своей дочери, и вы это доказали в самый важный момент ее жизни; однако вам назло я сделаю ее совершенством, — добавил он не в силах сдержать порыв гнева, — я прошу, чтобы мой мальчик стал вашим подобием!

— Тем лучше для него и для вас, — поспешно возразила королева, — а я отомщепя — ваша дочь будет похожа на вас...

Едва лишь необдуманые слова были произнесены, король пришел в ужас и готов был вернуть сказанное любой ценой. Но дело было сделано, и дети на всю жизнь оказались наделены характерами по воле родителей: принц был наречен Капризом, а принцесса — Разумницей, необычным именем, кото-

рое она так прославила, что впоследствии носить его не решилась ни одна женщина.

Словом, будущий наследник престола был украшен всеми чарами хорошенькой женщины, а принцессе, его сестре, достались в удел все достоинства доброго короля и порядочного человека. Распределение нельзя сказать, чтобы удачное, но — увы! — уже непоправимое! В довершение всего взаимная любовь супругов тут же вспыхнула с особой силой, как это всегда у них случалось, и всегда с опозданием, в самые решающие минуты их жизни. Они по-прежнему не могли поделить между детьми свое родительское чувство поровну, но каждый считал теперь, что ребенок, обещавший стать похожим на него, проиграл в сравнении с другим, и каждый был готов скорее жалеть этого ребенка, чем поздравлять. Взяв дочь на руки, король нежно прижал ее к груди и произнес:

— Увы! Не помогла бы тебе даже красота твоей матери, без ее умения блистать. Ты будешь слишком рассудительная и никому не вскружишь голову.— Причудница, не столь откровенная, по-видимому, не расположена была высказывать всю правду; мнением своим об умственных способностях будущего принца она ни с кем не поделилась. Но не трудно было догадаться, что королева не слишком высоко ценит свой дар,— она выглядела такой печальной, лаская ребенка. Король растерянно смотрел на нее и не мог удержаться от упрека.

— Я поступил опрометчиво,— признался он,— но только из-за вас; и вот по вашей вине эти дети, которые могли бы стать лучше нас, останутся нашим подобием.

— Зато они будут крепко друг друга любить,— с живостью проговорила королева, бросаясь ему на шею.

Феникс, тронутый искренностью ее порыва, утешился мыслью,— как обычно в подобных случаях,— что все еще поправимо при доброте и чувствительном сердце.

— О дальнейшем догадываюсь и могу закончить сказку,— прервал Яламира друид,— твой принц Каприз вскружит всем голову и так далеко пойдет, подражая матери, что станет для нее наказанием. Стремясь преобразовать свое государство, он его развалит, заботясь о благе подданных, он доведет их до отчаяния, а расплачиваться за свои промахи заставит других; непоследовательный и легкомысленный, он будет и жалеть о своих ошибках и без конца повторять их; благоразумие никогда не будет им руководить, и все его благие намерения только умножат содеянное зло.

Природная доброта, чувствительность и великодушие — все его достоинства обратятся ему же во вред, а за его капризы, непростительные при таком высоком положении, народ его возненавидит, причем куда сильнее, чем злого, но умного монарха.

Напротив, твоя принцесса — новая героиня волшебной сказки — станет чудом благоразумия и скромности; поклонников у нее не будет, но перед нею преклонится народ и станет мечтать о том, чтобы власть перешла в ее руки. Безупречное поведение, всегда приятное для окружающих и выгодное ей самой, будет вредить только ее брату: люди станут противопоставлять все его недостатки ее достоинствам, и в предубеждении против принца ему припишут любые недостатки лишь потому, что их нет у принцессы. Пойдут разговоры об изменении закона о престолонаследии, о том, что прялку следует предпочесть побрякушке шута и что разум выше прав рождения. Ученые умы примутся рассуждать о пагубных последствиях подобных новшеств, доказывая, что народу лучше слепо повиноваться сумасбродам, оказавшимся по воле случая повелителями, нежели самому выбирать достойных правителей; что хотя умалишенным и запрещено распоряжаться собственным имуществом, нет ничего зазорного в том, чтобы предоставить им во власть как достояние, так и самую жизнь народа, что безрассуднейший мужчина все же предпочтительнее самой разумной женщины и что если первенец — мужского пола, будь он даже обезьяной или волком, то девочка, появившаяся на свет после него, будь она само совершенство или ангел, должна повиноваться его воле, — этого-де требует политическая мудрость; пойдут споры, возражения со стороны смутьянов, и тут тебе представится случай блеснуть своим софистическим красноречием. Я тебя знаю, ты рад позлословить по поводу всего, что происходит на белом свете, дать выход накопившейся желчи, и порочность людей, давая пищу для упреков, только тешит твое мрачное правдолюбие.

— Ого! Отец-друид! Как вы увлеклись! — изумленно воскликнул Яламир. — Что за поток красноречия! И где, черт возьми, научились вы произносить такие пышные тирады? В священном лесу вы никогда еще не проповедовали с таким блеском, хотя и там в ваших словах правды было ничуть не больше; если я не вмещаюсь, вы вскоре превратите сказку в политический трактат, и, чего доброго, в кабинетах монархов когда-нибудь вместо Макиавелли будут красоваться «Синяя борода» или «Ослиная шкура». Но не утруждайте себя, отгадывая конец сказки; за развязкой у меня дело не станет, и я вам сейчас ее придумаю; не такую, правда, ученую, как ваша, но не менее естественную и уж во всяком случае более неожиданную.

Так вот, как я уже упоминал, близнецы были поразительно похожи, да вдобавок и одинаково одеты. Король, полагая, что берет на руки сына, на самом деле взял дочь; а королева, введенная им в заблуждение, приняла за дочь сына; волшебница



воспользовалась этой путаницей и наделила детей так, как подобало; и вот Капризница стало именем принцессы, а Разум — именем принца, ее брата. Словом, как ни чудила королева, все оказалось на месте. Наследовав престол по смерти отца, принц Разум творил добро без лишнего шума, больше заботясь о своем долге, чем о славе; он не воевал с соседями, не угнетал подданных и удостоился благословений народа, а не панегириков. Все, что задумал его отец, было осуществлено в правлении сына, и подданные, вторично обласканные судьбой, даже не заметили смены государя. Принцесса Капризница, погубив и лишив рассудка многих поклонников, нежных и любезных, вышла наконец замуж за соседнего короля.

Она его предпочла другим за то, что у него были самые длинные усы, и он лучше всех скакал на одной ножке. А Причудница умерла от несварения желудка, объевшись перед сном рагу из лапок куропатки, в то время как король одиноко томился в ее опочивальне, куда она после долгих капризов пригласила его провести с ней ночь.



## ФИЛОСОФСКАЯ СКАЗКА

### КОРОЛЕВА ПРИЧУДНИЦА

Написана Руссо в 1755—1756 гг. Распространялась в рукописях. В 1758 г. была напечатана без ведома Руссо по одному из рукописных списков, распространившихся в Париже.

Первое оригинальное издание, осуществленное с согласия Руссо, было напечатано в III томе его сочинений, издаваемых в Амстердаме Марком Мишелем Реем. Сказке предшествовало предисловие «от издателя», — в действительности его автором был сам Руссо. «Эта маленькая сказка, — говорилось в этом предисловии, — была написана давно, как своеобразный вызов. (Дело заключалось в том, чтобы попробовать сделать сносную сказку и даже веселую, без интриги, без любви, без брака, без шалостей.)».

Этим, однако, содержание сказки Руссо не исчерпывается. В ней получили отзвук политические мысли писателя. Недаром Яламир упрекает глушить, не стараясь запугать нас вымышленными несчастьями. Разве что-нибудь есть страшнее бесчестия? Мы не спрашиваем тебя, нужно ли освободить Рим. Тебе остается только сделать выбор: быть ли в числе освободителей, или изгнанников. Итак, живи среди нас, торжествуя вместе с нами победу, или умри недостойной жизни, предав друзей, утратив честь и свободу. Пусть остальное тебе скажет твое сердце». Друида в том, что в его изложении веселая сказка превращается в политический трактат, который когда-нибудь будут изучать в кабинетах монархов вместо Макиавелли.

Руссо намечает два варианта развязки. Согласно Яламиру более естественным является счастливый конец этой забавной истории: на троне принц Разум — идеал и надежда просветителей. Но Руссо скорее солидаризируется с друидом — страной правит принц Каприз. «Стремясь преобразовать свое государство, он его развалит, заботясь о благе подданных, он доведет их до отчаяния, а расплачиваться за свои промахи заставит других; непоследовательный и легкомысленный, он будет и жалеть о своих ошибках и без конца повторять их; благоразумие никогда не будет им руководить, и все его благие намерения только умножат содеянное зло».

Политический смысл, заключенный в «Королеве Причуднице», остро почувствовали современники. Изданию 1758 г., осуществленному врагами философов, было предпослано предисловие, в котором, в частности, говорилось: «Сказки подобного рода не предназначены для детей. Они являются западней, которую ставят человеческому роду, чтобы свратить его с единственного пути, который может привести его к покою и счастью».

Стр. 537. *Вожирар* — небольшое местечко, расположенное в пригороде Парижа. С 1860 г. входит в состав столицы. Во французском языке Вожирар приобрел нарицательное значение, стал синонимом очень маленького городка.

...как «Мадрид» в Булонском лесу...— Имеется в виду замок «Мадрид», построенный французским королем Франциском I в память о пребывании в Мадриде во время его пленения испанским королем Карлом V. Замок был построен по рисунку той крепости, в которой находился Франциск I.